

*Моим родителям,
научившим меня никогда не сдаваться*

*Все в этом романе — вымысел, не считая тех мест,
где все взаправду*

Пролог

*Обсерватория Аресибо
Аресибо, Пуэрто-Рико*

Последние сорок восемь часов доктор Мэри Колдуэлл каждую секунду, не похищенную сном, посвящала изучению сигнала, принятого радиотелескопом. Она была изнурена, восхищена и уверена в одном: он упорядоченный, это признак разумной жизни.

Позади нее Джон Бишоп, другой исследователь, прикомандированный к обсерватории, налил себе еще выпить. Он прошел через скотч, бурбон, затем ром и весь прочий алкоголь, пока не остался лишь персиковый шнапс. Джон пил его неразбавленным: смешивать было попросту не с чем. Делая первый глоток, Бишоп скривился.

Было девять утра, и его отвращение к спиртному продлится еще минут двадцать, до третьей порции.

— Тебе мерещится, Мар, — изрек он, отставляя пустой стакан и сосредотачиваясь на том, чтобы наполнить его вновь.

Мэри коробило оттого, что он зовет ее «Мар». Никто никогда не называл ее так. Было в этом прозвище что-то неопрятное. Но Джон — единственная ее компания, и они пришли к своего рода взаимопониманию.

После вспышки болезни, когда люди по всему Пуэрто-Рико умирали десятками тысяч, они в обсерватории оказались практически в изоляции, и Джон без отлагательств попытался ее закадрить. Мэри отшила его. Вторая попыт-

ка последовала два дня спустя. После этого Бишоп совершал поползновения уже ежедневно, все более и более агрессивно, пока Мэри не саданула его коленом по яйцам. Это несколько укротило его, заставив переключиться на выпивку и ехидные реплики.

Встав, Мэри подошла к окну с видом на пышные зеленые пуэрто-риканские холмы и леса. Единственный признак цивилизации здесь — параболическая антенна, утопленная в плато среди холмов и направленная прямо в зенит. Радиотелескоп в обсерватории Аресибо — крупнейший радиотелескоп в мире, триумф человеческой техники. Он символизирует синтез наук, отлившийся в пик человеческого созидания, угнездившийся посреди первобытного пейзажа, олицетворяющего прошлое человечества. И теперь он свершил свою высочайшую миссию. Контакт.

— Он настоящий, — отрезала Мэри.

— Откуда ты знаешь?

— На нем указан наш адрес.

Оторвавшись от своего пойла, Джон поднял взгляд.

— Нам надо сматываться отсюда, Мар. Вернуться к цивилизации, к людям. Тебе сразу полегчает...

— Я могу это доказать. — Отвернувшись от окна к компьютеру, Мэри нажатием нескольких клавиш вызвала сигнал на экран. — В нем две последовательности. Что означает вторая, я не представляю, признаю. Уж слишком она сложна. Но первая составлена из элементарных повторов: включено-выключено. 0–1. Двоичные числа.

— Биты.

— Именно. Но есть и третий код — разделитель. Он появляется после каждого восьмого бита.

— Восемь бит. Один байт. — Джон отодвинул бутылку в сторонку.

— Это код.

— Чего?

— Еще не знаю. — Мэри прошла обратно к компьютеру, чтобы проверить, как продвигается дело. — До завершения анализа осталось меньше часа.

— Это может быть случайным совпадением.

— Не может. Первая часть, уже расшифрованная, представляет собой наш адрес.

Громко расхохотавшись, Джон снова схватился за выпивку.

— На минуточку ты меня надула, Мар.

— Если бы ты собирался послать сигнал на другую планету, что бы ты поставил в начале? Адрес.

Кивнув, Джон плеснул в стакан еще шнапса.

— Угу, только не забудь почтовый индекс.

— Первые байты содержат два числа: 27 624 и 0,00001496.

Джон промолчал.

— Ну, подумай, — призвала его Мэри. — Какая единственная константа неизменна во всей Вселенной?

— Гравитационная постоянная?

— Гравитационная постоянная — константа, но ее значение зависит от кривизны пространства-времени и от взаимной близости тяготеющих объектов. А нужен общий знаменатель, который известен любой цивилизации, на любой планете, независимо от ее массы и местонахождения, во всей Вселенной.

Джон просто вертел головой, словно надеялся высмотреть ответ.

— Скорость света. Это универсальная константа. Она никогда не меняется, где бы ты ни находился.

— Верно...

— Первое число — 27 624 — это расстояние до Земли от центра Галактики в световых годах.

— Это расстояние может относиться к десяткам планет...

— Второе число — 0,00001496 — точное расстояние от Земли до Солнца в световых годах.

Джон добрую минуту таращился в пространство перед собой, после чего убрал бутылку и полупустой стакан с глаз долой. И вперился взгляд в Мэри.

— Это наш билет.

Мэри приподняла брови.

— Продадим его. — Джон откинулся на спинку кресла.

— За какие шиши? По-моему, все супермаркеты уже позакрывались.

— Ну, думаю, бартер еще никто не отменил. Нам нужны защита, приличное питание и вообще все, чего мы когда-либо хотели.

— Это величайшее открытие в истории человечества. Мы не станем его продавать.

— Это величайшее открытие в истории человечества — в момент его величайшего отчаяния. Сигнал — это надежда. Отвлекающий фактор. Не будь душой, Мар.

— Хватит называть меня Мар!

— Когда разразилась Чума, ты удалилась сюда, потому что хотела заниматься любимым делом, пока не пробьет твой час. Что до меня, то я прибыл сюда, потому что знал, что здесь самый большой склад спиртного в пределах пешей ходьбы, а еще был уверен, что сюда же нагрянешь ты. Да, я запал на тебя с того самого момента, когда приземлился в Сан-Хуане. — Он вскинул ладони, прежде чем Мэри успела вставить хоть слово. — Я вовсе не к тому. Я к тому, что тому миру, который ты знаешь, пришел конец. Люди в отчаянии. Они действуют, исходя из личных интересов. Для меня главное — секс и алкоголь. Для людей, которым ты собираешься звонить, удержание власти. Ты даешь им средство достижения этой цели — надежду. Но после этого ты больше не будешь им нужна. Это не тот мир, который ты помнишь. Он пережует тебя и выплюнет, Мар.

— Мы не станем ничего продавать.

— Дура ты. Этот мир не щадит идеалистов.

У Мэри за спиной раздался писк компьютера. Анализ завершился.

Прежде чем она успела посмотреть результаты, по коридору перед кабинетом прокатился шум, донесшийся с противоположного конца здания. Кто-то барабанит в дверь? Мэри и Джон переглянулись. Оба застыли.

Стук становился все громче, пока в конце концов его не оборвал звон бьющегося стекла, разлетающегося по полу.

А затем — медленные шаги.

Мэри двинулась было к двери кабинета, но Джон поймал ее за руку.

— Оставайся здесь, — шепнул он, беря бейсбольную битку, которую привез с собой во время вспышки эпидемии. — Запри дверь. Если они здесь — значит, с едой на острове напряженка.

Мэри потянулась к телефону, зная, кому позвонить теперь. Трясущимися руками она набрала номер единственного человека, способного их спасти, — своего бывшего мужа.

ЧАСТЬ I

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Глава 1

Посадочный модуль «Альфа»

*На глубине 1200 футов ниже уровня моря
Близ северного побережья Марокко*

Дэвида Вэйла уже тошнило от выхаживания из угла в угол тесной спальни в полнейшем неведении, когда Кейт вернется — и вернется ли вообще. Он то и дело бросал взгляд на окровавленную подушку. Поток, начавшийся с пары капель десять дней назад, разросся до реки, протянувшейся с подушки до середины постели.

- Я в порядке, — твердила Кейт каждое утро.
- Куда ты ходишь каждый день?
- Мне просто нужно немного времени. И пространства.
- Времени и пространства для чего? — не унимался

Дэвид.

- Чтобы поправиться.

Но лучше ей не становилось. Каждый день, когда Кейт возвращалась, ей было хуже. Каждая ночь приносила все более чудовищные кошмары, испарину и такие кровотечения из носа, что Дэвид начал опасаться, что их ничем не остановить. Он обнимал ее, проявлял терпение, ожидая, надеясь, что женщина, которая спасла ему жизнь, которой он сам спас жизнь две недели назад, переступит через какую-то грань и чудом оправится. Но она каждый день лишь ускользала еще чуточку. А сейчас еще и опаздывала. Прежде она не опаздывала ни разу...

Дэвид посмотрел на часы. Опаздывает на три часа.

Она может находиться в любом месте громадного корабля атлантов, занимающего шестьдесят квадратных миль и погребенного близ гористого побережья Северного Марокко, прямо напротив Гибралтара.

Последние четырнадцать дней, пока Кейт отсутствовала, Вэйл посвятил изучению работы систем корабля. И пока с этим не закончил. Кейт активировала систему голосового управления, чтобы помочь Дэвиду с командами, которые ему пока не удалось освоить.

— «Альфа», каково местонахождение доктора Уорнер? — спросил Дэвид.

— Эта информация засекречена, — раскатился по тесному помещению бестелесный компьютерный голос посадочного модуля «Альфа».

— Почему?

— Вы не являетесь старшим членом исследовательского штата.

Очевидно, атлантские компьютерные системы не чужды констатации очевидного. Дэвид сел на кровать рядом с пятном крови. «Каковы приоритеты? Мне нужно знать, все ли с ней в порядке». Тут ему в голову пришла идея.

— «Альфа», ты можешь отобразить мне показатели жизнедеятельности доктора Уорнер?

Стенная панель напротив небольшой кровати осветилась, и Дэвид быстро прочел числа и графики — те, что мог понять.

АРТЕРИАЛЬНОЕ ДАВЛЕНИЕ: 92/47

ЧАСТОТА СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ: 31

«Она страдает. Или хуже того — умирает. Что с ней случилось?»

— «Альфа», почему показатели жизнедеятельности доктора Уорнер отклоняются от нормы?

— Эта информация засек...
— Засекречена. — Дэвид пинком послал кресло в стол.
— Исчерпывается ли на этом ваш запрос? — осведомился «Альфа».

— Ни в малейшей степени.

Дэвид шагнул к двустворчатой двери, с шипением распахнувшейся. На пороге помедлил, потом вернулся и взял пистолет. Просто на всякий случай.

— Ψ —

Вэйл маршировал по тускло освещенным коридорам уже почти десять минут, когда вдруг услышал шорох и заметил фигуру, движущуюся в тени. Остановившись, замер в ожидании, страстно желая, чтобы зрение побыстрее приспособилось к слабенькому свечению огоньков вдоль пола и потолка. Быть может, атлантам требуется меньше света, а может, корабль — обломок корабля, который они занимают, — работает в режиме энергосбережения. Так или иначе, от этого инопланетный корабль кажется даже более таинственным.

Фигура выступила из тени.

Мило.

Дэвид удивился, обнаружив тибетского подростка так глубоко в корабле. Мило — единственная живая душа на этом корабле, кроме Кейт и Дэвида, но большую часть времени он проводит за его стенами. Спит под открытым небом, рядом с наклонной штольной, ведущей из погребенного корабля к вершине горы, где берберы оставляют для них продукты. Мило обожает спать под звездами и вставать вместе с солнцем. Дэвид часто заставал его сидящим, скрестив ноги, в состоянии медитации, когда они каждый вечер вместе с Кейт выходили наружу, чтобы отобедать в его компании. В последние две недели Мило был их замполитом, но сейчас Дэвид даже при этом туск-

лом свете отчетливо различил на лице юноши отпечаток озабоченности.

— Я ее не видел, — произнес Мило.

— Звякни мне по интеркому корабля, если увидишь. — Дэвид снова зашагал в бодром темпе.

Мило пристроился по пятам за ним, энергично топоча, чтобы не отставать. Он уступал в росте на целый фут му-скулисту Вэйлу, и по сравнению с его шестью футами и тремя дюймами казался совсем малышом. Вместе они напоминали великана с юным приспешником, несущихся через сумрачный лабиринт.

— Мне не понадобится, — пропыхтел Мило.

Дэвид оглянулся на него.

— Я буду с вами.

— Ты должен вернуться наверх.

— Вы же знаете, что не могу, — возразил Мило.

— Она рассердится.

— Если она в порядке, меня это нимало не огорчит.

«Та же история», — подумал про себя Дэвид. Они зашагали в молчании, и единственным звуком был топот подошв Вэйла по металлическому полу да более мягких шажков Мило.

Остановившись перед широкой двустворчатой дверью, Дэвид активировал настенную панель. Дисплей отобразил:

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ОТСЕК 12

Это единственный медицинский отсек в их части корабля, и Дэвид был почти уверен, что именно туда Кейт ходит каждый день.

Он погрузил ладонь глубже в зеленое облако света, появившееся из стенной панели, поработал пальцами несколько секунд, и двери с шипением открылись.

Вэйл быстро пересек помещение.